

8. Социальные связи

Переводчик как часть социума.	176
Притворство (интуитивное озарение).	178
Притворяясь переводчиком	178
Притворяясь читателем (на языке оригинала) и автором текста (на языке перевода).	181
Притворяясь членом языкового сообщества.	182
Как стать переводчиком (выявление закономерностей).	187
Преподавание перевода и переводоведение как вид социальной деятельности (правила и теории)	189
Теория скопоса.	191
Социологическая волна в переводоведении XXI века	197
Заключение	203
Темы для обсуждения	204
Упражнения	204
Рекомендуемая литература	210

В этой главе: перевод текста отнюдь не сводится к подбору эквивалентов в языке перевода для слов и выражений исходного языка; он включает и общение с заказчиками, и налаживание социальных контактов, и исследовательскую работу, и использование современных технологий – причем в основе всего этого должно лежать общее понимание того, какую роль в жизни общества играет перевод и какую роль в переводе играет общество.

Интуитивное озарение: переводчик зачастую притворяется; так, в начале своей карьеры он притворяется переводчиком, а затем на протяжении всей своей деятельности притворяется, что именно он – тот читатель, для которого автор писал свой текст на языке оригинала, и что именно он – тот автор, которому читатель текста на языке перевода поверит, а также что он является членом сообщества, использующего соответствующий язык.

Выявление закономерностей: чтобы стать преуспевающим профессиональным переводчиком, прежде всего нужно принять участие в жизни переводческого сообщества.

Правила и теории: в переводоведении было две «социологические волны» (или два всплеска одной и той же): в Германии в середине 1980-х (теория скопоса, школа, ориентированная на действие, или функционалистская школа) и увлечение социологической теорией (в частности, Бурдьё) и этнографическими исследованиями в 2000-х.

Переводчик как часть социума

Понятно, что переводчики – часть социума не только потому, что они люди, но и потому, что социальные связи играют важнейшую роль в их профессиональной жизни. Без этих связей не выучить даже один язык, не говоря уж о двух, трех и более. Без них невозможно следить за изменениями в языках, которыми владеешь. Невозможно получать заказы, проводить связанные с ними исследования, нельзя узнать, чего ждут от перевода читатели. Без социальных контактов некуда послать готовый текст и не от кого получить плату.

Все это настолько очевидно, что, казалось бы, не нуждается в разъяснениях. Все знают, что переводчики – часть социума и что средства к существованию они добывают благодаря социальным связям.

Однако, как ни странно, значение этого факта для теории и практики перевода было признано переводоведами лишь недавно. До того как в конце 1970-х возник полисистемный подход, в середине 1980-х – скопос/Хандлунг-теория, в конце 1980-х – начале 1990-х – постколониальная теория, а в конце 1990-х – начале 2000-х – так называемая «социологическая волна» в переводоведении (и особенно – этнографические исследования деятельности устных переводчиков в рамках определенных организаций), практически никто не рассматривал перевод в первую очередь как вид социальной деятельности. Перевод считался лингвистической работой с текстами. Ведущими факторами при его выполнении считались абстрактные схемы эквивалентности, которые задавались синтаксически и семантически, а не социальный контекст, совокупность авторов, заказчиков, специалистов по терминологии,

читателей и всех остальных, кто прямо или косвенно, реально или предположительно влияет на работу переводчика. Главным требованием считалась точность, причем понимаемая одновременно весьма узко (в лингвистическом смысле) и чересчур универсально (без учета нужд, потребностей и ожиданий реальных людей в реальных ситуациях). Если заказчику был нужен краткий пересказ или, наоборот, более подробное изложение, так что установить точную лингвистическую эквивалентность между более коротким или более развернутым текстом перевода и оригиналом было сложно, то написанный для него текст просто не считался переводом. Точно так же не считались переводами средневековые (и некоторые современные) переводы, в которых стерта граница между комментарием и собственно переводимым текстом – так, что получающийся в результате текст содержит материал, которого не было в оригинале. Если о тексте нельзя было говорить в терминах абстрактной лингвистической эквивалентности, он не рассматривался как перевод и, как правило, вообще не обсуждался. Перевод либо должен был быть точным – в смысле передачи информационного содержания (а также, как полагали некоторые теоретики, по возможности, стиля и синтаксиса) оригинала и в теоретическом смысле, с точки зрения лингвистического анализа, без учета того, кто заказывал перевод, для каких целей и при каких обстоятельствах, – либо вообще не считался переводом и не представлял интереса для переводчиков и переводоведов.

В конце 1970-х гг. отношение к переводу резко изменилось, и данная книга – одно из свидетельств этого. Однако старые традиции нелегко преодолеть. Абстрактная лингвистическая концепция перевода имеет очень древние корни. Она восходит к истокам западной цивилизации, беря свое начало в средневековой церкви и, в конечном итоге, в греческом рационализме (см. Robinson, 1991, 1996, 2001). Привычка игнорировать социальный характер процесса получения, формирования и распространения знаний – древняя западная традиция, и ее влияние на наше мышление все еще очень сильно, хотя она и подвергалась активным нападениям философов в течение всего XX века. В результате и сегодня кажется «интуитивно верным» оценивать перевод в рамках лингвистической эквивалентности – несмотря на растущее осознание того, что общество влияет на перевод. Мы знаем, что так делать не следует, но в глубине души по-прежнему к этому стремимся.

Из-за этого внутреннего противоречия вам может показаться, что многое в этой книге, с одной стороны, настолько очевидно, что об этом и говорить нечего, а с другой стороны, настолько не имеет отношения к переводоведению, что звучит просто нелепо. «И говорить нечего», что переводчики – часть социума, что социальный контекст в значительной степени регулирует или направляет деятельность в области перевода, что качество перевода определяется, помимо лингвистической эквивалентности, многими другими факторами; но в то же время все эти факторы кажутся второстепенными, дополнительными, менее важными по сравнению с краеугольным вопросом: передал ли переводчик смысл оригинального текста.

Притворство (интуитивное озарение)

Притворяясь переводчиком

Что такое переводчик? Кто такой переводчик? Немало переводчиков со стажем сначала вовсе не собирались работать в этой области и, лишь выполнив множество платных переводов, стали называть себя переводчиками. Есть ли существенная разница между «переводить» и «быть переводчиком»? Как *стать* переводчиком?

Этот вопрос часто задают в списках рассылки переводчиков, таких как Rosetta-L: как мне стать переводчиком? Обычно автор такого вопроса хорошо знает иностранный язык, жил (или живет) за рубежом и слышал, что переводами можно заработать. Иногда он даже перевел текст-другой, ему понравилось, и теперь он планирует зарабатывать этим на жизнь. Но и ему самому, и другим подписчикам совершенно ясно, что он *пока* не переводчик. В чем же разница?

Самый простой ответ – в опытности. У переводчика есть профессиональный опыт, а у новичка – нет. В результате переводчик – в отличие от новичка – разговаривает как профессионал. У переводчика есть определенные представления о том, как следует действовать, и это накладывает отпечаток на все, что он говорит. А у новичка таких представлений нет, поэтому он часто говорит то, что переводчикам кажется глупостью. К примеру: «У меня нет денег, чтобы купить компьютер, но одна моя приятельница даст мне поработать на своем, когда мне будет нужно».

(Среди ночи? Когда она принимает гостей? А у нее есть высокоскоростной доступ в интернет и сканер?)

Говорить профессионально переводчикам позволяет профессиональный опыт. Однако такой ответ не оставляет начинающему возможности для роста – опыт можно приобрести лишь научившись говорить по телефону профессионально, чтобы заказчик рискнул доверить своему собеседнику работу. А как научиться говорить профессионально, если нет опыта?

»» Привет!!!

Меня зовут Фолькер, мне тридцать лет, я немец, живу в Голландии и собираюсь стать переводчиком-фрилансером.

Опыта у меня никакого, поэтому куча вопросов. Какие организации в Голландии или Германии могут мне помочь?

В частности, как фрилансер рассчитывает тарифы? Есть ли тут правила или стандарты?

Помогите мне, пожалуйста.

Заранее спасибо!!!

Фолькер

Можно, например, пойти на курсы переводчиков. Одно из достоинств таких курсов именно в том, что они дают слушателям почувствовать, что значит быть профессионалом. К сожалению, этому не всегда учат в аудитории – дух профессионализма приходится постигать самостоятельно, обращая внимание на то, как преподаватели говорят о работе переводчика, как они подают себя в качестве специалистов. Некоторые курсы включают стажировку, что облегчает переход к профессиональной деятельности.

Однако прежде всего начинающему переводчику понадобится изменить свои мысли, речь, жизнь вообще. Еще работая под присмотром преподавателей или профессиональных переводчиков, слушатель курсов или стажер должен в какой-то момент начать подавать себя как профессионала, и в этом *всегда* есть определенный элемент «притворства»: «Можете прислать нам перевод в формате pdf к пятнице? – Конечно. Может быть, даже к четвергу».

Вы никогда прежде не создавали pdf и не знаете, как к этому подступиться, но до пятницы должны с этим разобраться. Сегодня, во вторник, вы не задаете вопроса: «Для создания pdf нужна специальная программа?» – вы обещаете прислать им pdf и бросаетесь искать того, кто вас этому научит.

«Какие у вас расценки? – Это зависит от сложности текста. Пришлите мне, пожалуйста, текст, чтобы я сперва взглянул на него. Я вам тут же перезвоню».

Это ваша первая настоящая работа, и вы внезапно осознаете, что не имеете ни малейшего понятия о том, сколько за нее взять. У вас есть около получаса до того, как заказчик начнет проявлять нетерпение. Вы дожидаетесь файла и звоните знакомому переводчику, чтобы выяснить расценки. Когда вы перезваниваете заказчику, вы уже говорите, как профессионал.

Конечно, чтобы так поступить, надо знать, что заказчики часто присылают текст на просмотр, чтобы переводчик мог оценить его, прежде чем согласиться. Если вы этого не знаете, у вас нет способа отложить решение, поэтому приходится сказать: «Э-э... Не знаю. А сколько вы обычно платите?» Такой ответ не обязательно ведет к катастрофе. Бюро зависят от переводчиков, поэтому в их интересах помогать начинающим. Скорее всего, к вашей неопытности отнесутся с пониманием, особенно если у вас достаточно редкая языковая пара, в которой трудно найти первоклассных специалистов. У большинства бюро (и даже прямых заказчиков) хватит порядочности не предложить вам абсурдно низкую плату, воспользовавшись вашей неискушенностью. Однако если ваша языковая пара – одна из наиболее популярных и вам позвонили только потому, что заняты все шесть переводчиков с этой парой, с которыми они обычно имеют дело, это ваш шанс прорваться. В такой ситуации лучше свою неопытность скрыть.

Итак, вы изображаете из себя опытного переводчика. Несколько упрощая, можно сказать, что, притворяясь переводчиком, вы постепенно им становитесь. Вспомним процитированные в главе 6 слова Пауля Куссмауля (Kussmaul, 1995, с. 33): «Стать профессионалом – значит войти в роль». Очевидно, что чем больше вы знаете о профессии, тем лучше сумеете изображать профессионала. Поэтому очень важно изучать профессию, исследовать ее – слушая преподавателя, читая книги и статьи, задавая вопросы специалистам. Каждый раз, когда вам удастся успешно изобразить профессионала, этот успех увеличивает объем ваших знаний, что поможет лучше притворяться (облегчит интуитивное озарение) в следующий раз.

»» Привет, лантроне!

Я только что получила свой первый заказ в качестве фрилансера и хотела бы узнать у более опытных людей – как платить налоги, если заказчик живет в другой стране? Налоги платятся здесь, там или в обеих странах? Что меняется, если днем работаешь где-то в штате, а вечерами подрабатываешь переводами?

Заранее благодарю за помощь.

Ана Куэста

Учтите, однако, что необходимость притворяться переводчиком в некотором смысле никогда не отпадает. Даже самые опытные переводчики часто вынуждены принимать решения без предварительной подготовки, опираясь лишь на приблизительное знание ситуации. *Никто* не знает достаточно для того, чтобы действовать профессионально в любой ситуации.

В конечном итоге основная разница между опытным переводчиком и начинающим состоит в том, что опытный понимает, когда признаться в незнании допустимо; когда слова «не знаю, позвольте мне разобраться» или даже «не знаю, а вы как полагаете?» не только приемлемы и не ведут к потере лица, но и служат признаком профессионализма.

Притворяясь читателем (на языке оригинала) и автором текста (на языке перевода)

Другой важный аспект «притворства» в работе переводчика – изображать, во-первых, читателя на языке оригинала, понимающего исходный текст так, как те, для кого он предназначен, и, во-вторых, автора текста на переводящем языке, который обращается к читателям и добивается при этом эффекта, отвечающего ожиданиям заказчика.

Откуда вы знаете, что означает оригинальный текст или какое он должен производить впечатление? Вы полагаетесь на свое знание языка, изучаете словари и другую справочную литературу, спрашиваете специалистов, обращаетесь к заказчику; если есть возможность связаться с автором, спрашиваете его, что он имел в виду, прибегая к тому или иному слову или выражению. Однако результаты таких исследований зачастую неубедительны или неопределенны, и на некотором этапе вам приходится действовать так, как будто у вас уже есть вся информация, необходимая для

профессионального выполнения работы. Другими словами, вы притворяетесь опытным читателем на языке оригинала. Прямого обмана тут нет – вы играете лишь в небольшой степени. Ведь вы и в самом деле неплохо читаете на этом языке. Однако вы знаете, что с пониманием данного конкретного текста у вас возникли проблемы, и осознаете, что ваших знаний недостаточно; поэтому вы стараетесь делать обоснованные догадки (это и есть интуитивные озарения) о том, что означают те слова и выражения, с которыми вам никто не смог помочь, – а затем подаете свой перевод как вполне заверченный, удачный и отвечающий всем требованиям.

Откуда вы знаете, кем окажутся читатели вашего перевода, чего они ожидают, как оправдать их ожидания? В некоторых (относительно редких) случаях переводчики точно знают своих читателей. Чаще (но тоже далеко не всегда) встречается ситуация, когда переводчикам заказывают перевод для определенной группы или категории читателей, например для «должностных лиц ЕС», «немецких конечных потребителей» или «международной конференции иммунологов». Устные переводчики, работающие на конференциях, в суде, в больнице и т.п., обычно видят свою аудиторию и даже могут общаться с ней, так что предположения и ожидания слушателей в процессе перевода постепенно становятся понятными. Но ни у одного писателя нет достаточной информации о своих читателях, ни у одного оратора – о своих слушателях. Для устных и письменных переводчиков это так же верно, как и для тех, кто сам сочиняет тексты. В какой-то момент переводчик тоже должен сделать некоторые предположения об адресатах своего перевода – определенные интуитивные догадки по поводу того, какой использовать функциональный стиль, когда употребить то или иное слово или выражение. И снова переводчик будет вынужден делать вид, что знает больше, чем вообще способен знать человек, – просто ради того, чтобы продолжать свой труд, делать свою работу как можно лучше.

Притворяясь членом языкового сообщества

Энтони Пим (Pym, 1992a, с. 121–125) убедительно опровергает широко распространенное мнение, что специализированные тексты сложнее, чем тексты общего характера, и поэтому надо сначала учиться переводить общие тексты и лишь потом переходить

к более сложным – специальным. Аргументация Пима строится вокруг того, что он называет социокультурной «вписанностью», или «принадлежностью» текста, – имея в виду социальную среду, для которой характерны слова, выражения, функциональный стиль и тон этого текста. Он демонстрирует, что чем прочнее текст «вписан» в широкий социальный контекст некой культуры, тем труднее его перевести, потому что, во-первых, переводчику труднее получить надежную информацию о том, как различные представители соответствующей социальной среды воспринимают эти слова, выражения, стили и т.д.; во-вторых, велика вероятность того, что подобного контекста не существует в той культуре, на язык которой текст переводится; и, в-третьих, переводчику труднее судить о том, как читатели переводаотреагируют на подобранные им эквиваленты.

«К примеру, Жан Делиль прямо рекомендует при обучении переводчиков использовать подобные [«общие»] тексты, поскольку «специальная терминология без нужды усложняет начальные стадии обучения языку»... Звучит довольно разумно. Но, говоря это, Делиль ошибочно полагает, что в «общих текстах» нет проблем с терминологией – как будто журнальные статьи, публицистические материалы и публичные выступления не относятся к той категории текстов, которые и являются наиболее «вписанными», в которых переплетаются многочисленные социальные контексты, образуя новый, еще более сложный. В специализированном тексте, конечно, могут быть проблемы с терминологией – возможно, переводчику понадобится воспользоваться словарем или поговорить со специалистами, прежде чем уверенно передать английское слово *tomography* французским *tomographie* или испанским *tomografía*. Однако это куда легче, чем проанализировать контекст: сам Делиль тратит около семи страниц, чтобы пояснить, почему в газетной статье, посвященной удалению молочной железы, выражение *sense of loss* (чувство утраты), прочно вошедшее в английский язык, нельзя перевести (для кого? почему?) как *sentiment de perte*... Ни один технический термин не сравнится по сложности с этим весьма «общим» примером! Из-за необыкновенной сложности таких текстов приходится обсуждать нюансы самых разных ситуаций, в которых можно употребить такое выражение, как *sense of loss*, и в которых по причинам, совершенно не поддающимся чистой лингвистической логике, *sentiment de perte* не вызывает тех же ассоциаций». (Рум, 1992а, с. 123)

Пим утверждает, что глубоко специализированные тексты чаще всего связаны с международным сообществом ученых, инженеров, врачей, юристов или иных специалистов, посещающих международные конференции, читающих соответствующую литературу на иностранных языках и поэтому обычно устраняющих из своей речи и текстов контекстуальную неопределенность, которую сложнее всего переводить. Кроме того, как показывает пример Пима со словом *tomography*, в специализированных группах точность при переводе на другие языки часто обеспечивается за счет использования греческих, латинских и английских терминов, которые только слегка изменяются при переносе из одной фонетической системы в другую. В то же время «общие» тексты основываются на куда менее регламентированной повседневной речи, на той манере, в которой люди говорят в самых разных житейских ситуациях и которая требует куда больше *социальных* знаний, чем специализированные тексты; то есть знаний о том, как люди разговаривают друг с другом в своих социальных группах, дома, на работе, в магазине и т.д. Даже жаргон и специальную терминологию, по мнению Пима, легче переводить, чем эти «общие» разговоры: все, что нужно для перевода жаргонных словечек или терминов, – это найти знатока и расспросить его (правда, дело осложняется тем, что знатока не всегда легко найти). Что же касается «общего» текста, то тут каждый – знаток, но эти «знатоки» не могут прийти к единому мнению, поскольку каждый использует слова и выражения по-своему в различных ситуациях и контекстах и не может точно определить для себя, что означают эти высказывания в рамках той или иной группы.

Однако в некоторых случаях подход Пима к «специализированным» текстам и профессиональным сообществам выглядит несколько упрощенным. Ведь ключ к хорошему специализированному переводу кроется не в том, чтобы знать, что английское слово *tomography* по-французски будет *tomographie*, а по-испански *tomografía*, то есть не в том, чтобы подбирать словам нужные эквиваленты, – а в том, чтобы прочесть, а затем и написать текст таким образом, как это сделал бы один из членов соответствующей социальной группы. Чтобы понять медицинский текст на каком-либо языке, нужно прочесть его так, как будто ты врач, медсестра, сотрудник больницы или еще кто-то в этом роде, для

которого этот язык родной. Чтобы хорошо перевести этот текст на другой язык, нужно *писать* на этом языке так, как будто ты – врач (и т.п.). И насколько бы ни были эти специалисты интегрированы в международную среду, они все равно остаются реальными людьми, которые общаются с членами своей группы так, как это принято в их сообществе. Значения слов и выражений в специализированных текстах и устной речи могут быть определены достаточно четко, но принципы, по которым они соединяются при составлении специализированного текста, могут быть весьма специфичными, характерными именно для данной группы. И для того чтобы правдоподобно передать текст на языке перевода, хороший профессиональный переводчик должен будет «сделать вид», что принадлежит к этой группе.

Вот два примера. Меня попросили перевести с английского на финский список из восьмидесяти химических терминов – никакого контекста, никаких предложений, просто восемьдесят слов. Все они были латинизмами, терминами именно того плана, которые, как верно полагает Пим, довольно легко переводить, поскольку обычно требуется просто передать слово в другой фонетической системе – tomography, tomographie, tomografia. И, как предсказывал Пим, работа оказалась очень простой. Однако, поскольку я переводил на финский, не родной для меня язык, я отправил свой перевод в Финляндию своей приятельнице, которая имеет научную степень по химии. Она внесла несколько поправок и вернула текст. Читая его, я заметил, что возникла некоторая непоследовательность при переводе -ethylene. В некоторых сложных словах она перевела его как -*etyleeni*, в других – *eteeni*. Засомневавшись, я позвонил ей. Она рассказала, что использование финскими химиками терминов в этой области сейчас как раз находится в переходном состоянии и замеченная мною непоследовательность отражает этот переход. Думаю, что другой финский химик мог отразить переходный период иначе, и представить мне немного другой вариант непоследовательности, используя и -*etyleeni*, и *eteeni*, но в других сложных словах. Какой бы «интернациональной» не была социальная структура, употребление слов всегда определяется местным сообществом.

А однажды меня попросили перевести с английского на финский инструкции к фармацевтическому продукту, и я не мог по-

добрать финского эквивалента для перевода выражения flip-off seal¹, так что мне пришлось отправиться с расспросами в интернет. Я опросил трех-четыре знакомых переводчиков-финнов, которые перевели множество медицинских текстов. Они дали мне три существенно отличающихся друг от друга ответа, все три надлежащим образом проверенные у знакомых врачей. Особенно отличались варианты, который они предложили для слова «колпачок»: suoja – «защита, покрытие», hattu – «шляпка» и sinetti – «печать, пломба». Хотя слово sinetti и включает в себя большую часть значений английского seal (не считая значения «тюлень»), я бы не подумал, что его можно использовать для обозначения защитного колпачка на медицинском флаконе. Однако знакомый врач подтвердил такой перевод. Hattu, то есть «шляпка» – слово разговорное. Финны используют его в повседневной речи, чтобы описать любое подобие шляпки, если не знают точного термина или если точный термин носит слишком узкоспециальный характер. Это наглядный пример того, что даже специалисты входят в различные сообщества. И даже внутри одного сообщества зачастую существует несколько функциональных стилей, различающихся по степени «официальности». Suoja, то есть «защита, покрытие» – наиболее нейтральное слово из трех. Именно на нем я в конце концов и остановился, частично потому, что моя собственная интуиция (иностранца) противилась sinetti, но в основном потому, что ответ suoja был единственным, который я получил до срока сдачи работы.

Урок 1: чем в большее число социальных групп и сообществ вы входите и чем прочнее ваши связи с ними, тем лучше вы сможете делать вид, что вы член сообщества читателей на языке оригинала и член сообщества писателей на языке перевода.

Урок 2: если вы слабо связаны с каким-то сообществом, то особое значение приобретают ваши контакты в среде переводчиков, а также наличие друзей, которые либо сами знают то, что вам нужно, либо могут связать вас с людьми, которые это знают. И все равно, для того чтобы «притвориться» врачом или инженером, не будучи ни тем, ни другим, необходимо хоть в какой-то степени входить в соответствующую социальную среду, иначе вы не су-

---

¹ Одноразовый колпачок на медицинском флаконе, отламывающийся при поддевании пальцем. (*Прим. пер.*)

меее разобраться в противоречащих друг другу советах специалистов и выбрать наиболее подходящий с вашей точки зрения вариант.

Урок 3: в профессиональной среде, где всегда есть жесткие сроки сдачи работы, целью переводчика не может быть безупречный перевод или даже лучший из возможных. Он может лишь стремиться выполнить наилучший возможный перевод *к определенному сроку*. Если ваш приятель-переводчик поговорит со знакомым врачом и предложит вам правдоподобно звучащий термин или выражение, вы не станете пропускать срок сдачи перевода, надеясь на то, что в ближайшие дни появится лучший вариант. Вы сдадите перевод вовремя и будете довольны тем, что дело сделано. Конечно, если другой приятель придет вам альтернативный вариант после того, как вы сдали работу, и вы внезапно поймете, что именно *этот* вариант верен и что вы и ваш первый приятель были совершенно неправы, вы позвоните заказчику и, если это еще возможно, попросите его внести исправления.

Как стать переводчиком (выявление закономерностей)

В свете всего этого, чтобы стать переводчиком, мало просто выучить множество слов, выражений и трансформационных моделей для двух или более языков; мало просто знать, какой техникой и программным обеспечением нужно обзавестись и какие назначать цены. Помимо всего этого – или даже в первую очередь – нужно быть членом нескольких базовых сообществ или социальных групп. Чем больше таких групп и чем активнее ваше в них участие, тем лучше.

Главная из этих групп, вероятно, сообщество переводчиков. Переводчики знают, как взаимодействуют языки и культуры. Переводчики знают рыночную обстановку в области межкультурных коммуникаций (оборудование и программное обеспечение, расценки, условия и т.д.). Коллега-переводчик, с которым вы встречались на конференции или в местной организации переводчиков, может передать вам работу: если пришел заказ, который он не может взять, то не исключено, что он откопает вашу визитку и предложит своему заказчику обратиться к вам. Или же, если ему понравились ваши сообщения в интернет-сообществе, он мо-

жет дать заказчику ваш адрес. Переводчикам приходится быть членами множества социальных групп, и почти всегда известно, кому позвонить или написать, чтобы узнать нужный термин, так что членство в сообществе переводчиков обеспечивает вам бесценные связи с другими сообществами. Отсюда видно, как важно принадлежать к организациям переводчиков и принимать активное участие в их деятельности, посещать переводческие конференции и быть членом переводческих интернет-сообществ.

Однако нужно входить и в другие сообщества (и чем их больше, тем лучше): в сообщества тех, кто пользуется специализированными текстами, и тех, кто ими не пользуется; сообщества специалистов, находящихся в процессе работы, на профессиональных конференциях или на отдыхе; сообщества читателей и авторов периодических изданий – от научных журналов до таблоидов; сообщества тех, кто рассказывает свежие анекдоты, истории о себе и своих знакомых, о том, что сам увидел, прочитал в новостях или выдумал. По сути, когда переводишь, делаешь примерно то же, что и когда читаешь, пишешь, рассказываешь или слушаешь: перевод – это форма общения, канал для передачи мыслей и мнений, информации и влияния. У переводчиков много общего с теми, кто использует другие каналы, по которым происходит подобная циркуляция внутри культур и между ними.

Переводчику очень важно стать частью сообществ, которые используют подобные каналы как минимум в двух языковых средах. В последнем и состоит основная разница между переводом и другими видами речевой коммуникации; именно это помогает переводчику и мыслить и действовать глобально, воспринимая свою работу как налаживание связей с десятками, возможно, даже сотнями различных социальных групп по всему миру. Профессиональный переводчик должен походить на нейрон, чьи дендриты широко раскинуты по коммуникационным сетям и всегда готовы передавать информацию или запросы (так же, как различные сигналы управления – говоря языком неврологов, «тормозящие» и «возбуждающие» импульсы, например «вот, что вам следует сделать» или «я думаю, это будет неэтично») в нужную сеть.

Юджин Найда (Nida, 1985) написал статью под названием «Смысл перевода состоит в переводе смысла». Суть ее в том, что переводчик погружается в текст оригинала в поисках смысла, из-

влекает его и передает на языке перевода – традиционный взгляд на перевод. Если же подходить к переводу с межкультурных и социально ориентированных позиций, следовало бы переформулировать это так: «Смысл перевода состоит в передаче смысла – а также его воздействия и взаимосвязей – по глобальным коммуникационным сетям». Или афористичнее:

Перевод – это передача.

Переводчики – связующие звенья в коммуникационной цепи.

Перевод – это синаптическая передача сигнала во всемирном мозге.

Преподавание перевода и переводоведение как вид социальной деятельности (правила и теории)

Далее в своей книге «Перевод и передача текста» (Рум, 1992а, с. 152–153) Пим пишет об исторически сложившейся неприметности переводчиков – «безымянных подданных», которые служили правителям, говорившим только на своем языке, – и поднимает вопрос, имеющий политическую окраску. Это вопрос о преданности, верности, и в особенности – о том, как доказать эту верность правителю, не умеющему того, что умеет переводчик:

Нет ничего постыдного в том, что среди переводчиков практически не было королей, знати и священнослужителей. Возникает даже некое чувство гордости за то, что политические и духовные власти были вынуждены доверяться своим слугам-переводчикам. Но откуда им было знать, что тот или иной переводчик достоин доверия? Глупо было бы полагать, будто все переводчики одинаково знающие, их верность бесспорна, а хорошая оплата гарантирует честность. Совершенно необходимы дополнительные гарантии. Уверенность повелителя может основываться на дипломе специального учебного заведения, рекомендациях предыдущих работодателей, сравнении с другими переводчиками или даже на высказываниях переводчика о переводческом процессе, поскольку теоретизирование само по себе показатель профессионализма.

Эта концепция теории перевода как необходимой части брони, которой переводчики прикрываются от непонимания, одновременно и стара – в конце концов, именно ею руководствовался Иероним, когда в 395 г. излагал в «Письме Паммахию» свои

принципы, и Мартин Лютер¹ в письме о переводе, разосланном им в 1530 г., – и относительно нова. Официальной и основной причиной разработки теории перевода служило стремление контролировать действия переводчиков, а не помогать им обосновывать правильность сделанного перевода (как этого хотелось Иерониму, Лютеру и Пиму). Теория предназначалась для того, чтобы полностью подчинить переводчиков правителям (будь верен, а не волен!), а не предоставлять им защиту от непонимания со стороны власть имущих.

И снова мы сталкиваемся с затронутым в главе 1 вопросом о различии между внутренним и внешним представлением: с точки зрения «правителя» или потребителя, то есть при взгляде извне, единственная причина, оправдывающая существование теории перевода, – это развитие и обеспечение нормативных стандартов тщательного и точного перевода. «Правители» хотят быть уверены в том, что переводчики переводят в соответствии с коллективно принятыми стандартами, а не становятся, так сказать, «перевиральщиками» (*traduttore traditore*), в чем их постоянно подозревают. А с точки зрения переводчиков (взгляд изнутри) теория перевода существует в основном для того, чтобы помогать решать возникающие проблемы, оправдывать принятые решения, если их начинают критиковать, и таким образом профессионально расти в том, что касается умений, знаний, положения, поведения и надежности.

Заметьте, однако, что в обоих случаях речь идет о сугубо социальных причинах: существование теории перевода обосновывается не тягой к знаниям или потребностями чистой науки, а необходимостью жить и работать в обществе, взаимодействовать с другими людьми (в данном случае – с теми, кто платит за работу). И хотя построение теории перевода на такой социальной основе, безусловно, не ново, только с конца 1970-х гг. – начиная с немецкой теории скопоса, ориентированной на действие (Катарина Райс, Ханс Й. Фермеер, Юста Хольц-Мянттяри, Кристиан Норд и др.), и с получившего развитие в странах Бенилюкса и в Израиле полисистемного подхода, или дескриптивного переводоведения, или теории манипуляции (Итамар Эвен-Зохар, Гидеон Тури,

---

¹ Лютер, Мартин (1483–1546), основатель лютеранства. Перевел на немецкий язык Библию, утвердив нормы общенемецкого литературного языка. (*Прим. пер.*)

Андрэ Лефевр, Джеймс С. Холмс, Тео Херманс и др.), – переводоведы стали открыто обосновывать необходимость теории социальными предпосылками. Перевод, настаивали они, контролируется социумом, социальными действиями, людьми, которые говорят друг другу «сделай это», «я заплачу столько-то, если ты это сделаешь», «помоги мне с этим» и т.д. – и теория перевода является неотъемлемой частью всего этого. Если же теория не является частью подобного социального взаимодействия, она, по их мнению, бесполезна – так, забава ученых, повод для публикаций, средство укрепления репутации, саморекламы и т.д.

Поскольку школа, известная под названием «полисистемной», «манипуляционной» или школы «дескриптивного переводоведения», интересуется в основном большими культурными системами, а не локальными социумами, мы вернемся к разработкам этой группы теоретиков в главе 9. Здесь же мы рассмотрим а) немецкую школу, которую называют по-разному – функционалистской теорией перевода, ориентированной на действие теорией, ориентированной на перевод анализом текстов, теорией скопоса; б) недавний социологический поворот в переводоведении.

Теория скопоса

Группа приверженцев теории скопоса начала свои исследования на заре 1980-х, главным образом в Германии. Последователи этой теории подчеркивают важность социальных функций и взаимосвязей перевода, утверждая, что такой подход в первую очередь более *реалистичен*. Они полагают, что реалистичнее изучать перевод с точки зрения того, что происходит, когда люди переводят, какие социальные факторы влияют на перевод, – а не в рамках традиционной абстрактной эквивалентности текста (нужно переводить смысл, а не переводить пословно). Поскольку, по их мнению, перевод всегда *был* социальным явлением, но лишь теперь *осознается* в качестве такового, их подход носит по сути корректировочный характер: они стремятся сузить роль традиционных теорий, в которых формулируются некие общие законы без учета разнообразных конкретных ситуаций, составляющих суть переводческой практики.

Таким образом, сторонники теории скопоса вносят поправки в традиционные текстоцентрические теории за счет исследова-

ния практики перевода в социальном и профессиональном мире: они наблюдают за реальной деятельностью коллег и своей собственной, за всем, что связано с переводческим процессом, и на основе этих наблюдений строят новые теории. Такая приверженность практическому опыту реальных переводчиков в реальном профессиональном контексте делает этот подход чрезвычайно привлекательным для множества переводчиков, включая новичков. Как и все теоретики, приверженцы этой школы ради построения своей теории упрощают социальный контекст перевода. От головокружительной сложности окружающего мира они переходят к относительной стабильности упрощенной идеализации и абстракции, к якобы универсальным диаграммам и – порой – к весьма замысловатой терминологии. Но, будучи практикующими переводчиками и выстраивая свои теории на базе практического опыта и индукции, они все время помнят о безграничной сложности реального процесса и, даже создавая грандиозные схемы, описывающие функционирование переводческого социума, неизменно уточняют, что на самом деле все не так просто, что тот или иной компонент теории подчас может меняться.

Лежащий в основе теории скопоса подход наглядно представлен в книге Кристиан Норд «Анализ текста при переводе» (Nord, 1991), первоначально вышедшей в 1988 г. на немецком языке под названием *Textanalyse und Übersetzen* и переведенной на английский самим автором. В первой главе этой книги Норд четко и доступно изложила основные положения функционалистского (ориентированного на действие) подхода с помощью аналитических рассуждений, диаграмм и примеров, а также перечислила их в виде тезисов, напечатанных полужирным шрифтом и обведенных в рамку. Далее мы воспользуемся этими тезисами, чтобы дать представление о функционалистском подходе.

Будучи лингвистическими знаками, обусловленными соответствующими культурами, как оригинальный, так и переводной тексты определяются той коммуникативной ситуацией, в которой они используются для передачи сообщения. (1991, с. 7)

Таким образом, все тексты, не только переводы, определяются коммуникативной *ситуацией*, а не абстрактными общими правилами, регулирующими устную и письменную речь. Поэто-

му нельзя сказать, что «эквивалентность» текста является – или должна быть – определяющим критерием хорошего перевода или же что все переводы должны подчиняться одним и тем же требованиям эквивалентности. На самом деле критерии определяются коммуникативной ситуацией – людьми, действующими и взаимодействующими в рамках социального контекста.

Тот, кто инициирует процесс межкультурной коммуникации, делает это потому, что ему нужен определенный инструмент коммуникации – переведенный текст. (1991, с. 8)

Теоретики этого направления первыми заговорили об «инициаторах» или «распорядителях», которым нужен перевод и которые поручают кому-то его создание. Ясно было, что такие люди существуют и что их влияние на процесс и сущность перевода огромно. Но при разработке теорий этот факт полностью игнорировался. В традиционных теориях уделялось внимание только автору оригинального текста, переводчику и читателю перевода. Представлялось, что автор и читатель влияют на переводчика волшебным образом, без посредничества реально существующих людей, которые на самом деле осуществляют это влияние с помощью звонков, переписки и платежей.

Функция перевода не выявляется при формальном анализе исходного текста; она определяется целью межкультурной коммуникации. (1991, с. 9)

Имеется в виду следующее: 1) перевод призван выполнять одну или несколько социальных функций; 2) эти функции представляют собой не абстрактные лингвистические понятия, типа риторической или информационной функции, а внеязыковые действия, которые влияют на поведение реальных людей в социальной среде; 3) эти функции нельзя определить раз и навсегда – всякий раз в новом коммуникативном контексте их нужно определять заново, исходя из практических соображений; 4) главным фактором при этом является цель (*σκοπος*) межкультурной коммуникации, то, чего люди хотят с ее помощью достичь.

Восприятие текста переводчиком определяется коммуникативными нуждами инициатора или реципиента перевода. (1991, с. 10)

Имеется в виду следующее: переводчик, читая (или слушая) текст, не подчиняется ни неведомому «духу» текста, ни собственным прихотям, а руководствуется пожеланиями людей, которые нуждаются в переводе и которые попросили этот перевод сделать.

Переводчик не передает сообщение оригинала, а сочиняет текст на языке перевода, руководствуясь стремлением другого человека получить в принимающей культуре коммуникативное средство или же документ, воспроизводящий в этой культуре оригинальный акт коммуникации. (1991, с. 11)

Имеется в виду следующее: 1) переводчик – орудие не автора текста, как часто предполагается в традиционных теориях, а принимающей культуры; 2) в принимающей культуре действует социум, а именно – совокупность совместно работающих людей, которые выявляют коммуникативные нужды своей культуры и дают переводчику определенное задание для удовлетворения этих нужд; поэтому 3) смысл оригинального текста всегда доходит до переводчика опосредованно, после специальной обработки – можно сказать, в определенной степени «предварительно переведенным» с помощью сложных соглашений, существующих в принимающей культуре.

Текст – это коммуникативное действие, которое выполняется с помощью сочетания вербальных и невербальных средств. (1991, с. 15)

Таким образом, текст – не статичный объект, который можно изучать «в лабораторных условиях», получая объективное и надежное описание. Это социальное действие, зависящее, как и все подобные действия, от социального контекста. Воздействие текста определяется не только словами, но и интонацией, жестами и мимикой либо «иллюстрациями, макетом публикации, логотипом компании и т.д.» (1991, с. 14). Текст, который переводчик прочел в книге или в приемной зубного врача, будет отличаться от текста, присланного заказчиком, даже если слова в них одни и те же. Невербальное действие отправки текста на перевод с помощью электронной почты меняет суть коммуникативного действия.

Восприятие текста зависит от ожиданий реципиента. Эти ожидания определяются ситуацией, в которой воспринимается текст, образовательным и культурным багажом реципиента, его знаниями о мире и коммуникативными потребностями. (1991, с. 16)

Сама Норд поясняет это так: «намерения того, кто передает информацию, и того, кто ее принимает, могут, но не обязаны быть одинаковыми; они не обязаны даже частично соответствовать друг другу» (1991, с. 16). Более того, не все потребители перевода (инициаторы, распорядители, реципиенты) *ожидают*, что эти намерения совпадут или будут соответствовать друг другу. Иногда такие ожидания имеются, однако это далеко не обязательное требование ко всем переводам, как принято полагать в рамках более традиционных теорий.

С помощью комплексной модели анализа текста, которая учитывает как внутритекстовые, так и внетекстовые факторы, переводчик может установить «внутрикультурную функцию» оригинального текста. Затем он сравнивает эту функцию с (ожидаемой) «внутрикультурной функцией» перевода, необходимой инициатору, определяя и выделяя те элементы оригинала, которые при переводе нужно сохранить или адаптировать. (1991, с. 21)

Другими словами, переводчик – это связующее звено между двумя текстовыми действиями: между оригинальным текстом, рассматриваемым как действие, производимое в передающей культуре, и переводным текстом, который должен выполнять определенную инициатором функцию в принимающей культуре. В конечном счете характер переводного текста определяется требованиями инициатора, однако эти требования нужно согласовать с тем, что переводчик установил как «внутрикультурную функцию» оригинала. Свою роль могут сыграть и этические соображения, если переводчик (или кто-то другой) почувствует слишком большое несоответствие между двумя текстовыми действиями.

Функциональная эквивалентность между оригинальным и переводным текстами – это не обычный скопос [цель] перевода, а вырожденный случай, когда фактор «корректировки функций» равен нулю. (1991, с. 23)

Поскольку текст перевода выполняет в своей культуре иные культурные и социальные функции, чем текст оригинала – в своей, перевод крайне редко «функционально эквивалентен» оригиналу. Изменение функциональности текста – это нормально. Обычно вопрос ставится так: «как именно скопос, или цель, этого текстового действия изменится при переходе в другую культуру?» Норд поэтому дает следующее функциональное определение перевода:

Перевод – это создание на переводящем языке текста, связанного с исходным текстом так, как предусматривает функция, предписанная переводному тексту (скопос перевода). Перевод позволяет совершиться коммуникативному акту, который иначе не мог бы состояться из-за существующих языковых и культурных барьеров. (1991, с. 28)

Таким образом, связь между оригиналом и переводом не устанавливается заранее раз и навсегда, а выбирается в зависимости от определяющих ее социальных взаимодействий.

Такая концепция перевода, при которой он зависит от социальной функции в условиях реальных социальных взаимодействий, очевидным образом влияет на построение теории и обучение искусству перевода.

Во-первых, ясно, что теоретики и преподаватели перевода, которые, естественно, не могут находиться вне общества, опутаны многочисленными социальными связями. Теоретики пытаются изучить влияние общества на процесс перевода не из любви к чистой науке, а для того чтобы научить других (в первую очередь переводчиков) лучше понимать социальные процессы и иметь возможность играть в них ответственную и нравственную роль. Быть ответственным означает активно принимать обоснованные и этичные решения о том, как реагировать на обстоятельства, вынуждающие действовать определенным образом в определенной ситуации. Назначением теории перевода и обучения переводу должно быть совершенствование способности переводчика принимать такие решения.

Во-вторых, точно так же, как переводчики создают теорию, пытаясь лучше понять свою работу – например ради того, чтобы лучше отвечать на критику, отличать по-настоящему проблемные

места от тех, где критик просто заблуждается, улучшать качество перевода первых и отстаивать перевод вторых, пересматривая спорные места, – так и теоретики и преподаватели перевода должны выводить свои теоретические и педагогические модели из той точки, в которой из индуктивно накопленных знаний начинают возникать дедуктивные принципы, и никогда не забывать о реальных сложностях, на основе которых выработаны эти принципы. Такие сложности – не просто богатый источник новых идей, мыслей, нового понимания. Только с их помощью можно овладеть теориями, правилами и инструкциями и применить их на практике. Студенты за учебой, преподаватели в процессе преподавания, теоретики, выстраивающие свои теории, равно как и переводчики, выполняющие перевод, – все они являются частью социума и вовлечены в бурную общественную жизнь, которая регулируется взаимными потребностями реальных людей в реальных социальных контекстах.

Социологическая волна в переводоведении XXI века

Вслед за «культурной волной» 1980-х и 1990-х (Lefevere and Bassnett, 1990, с. 1) в переводоведении начала проявляться так называемая «социологическая волна» (Merkle, 2008, с. 175) или, как называет это Вольф (Wolf, 2006, с. 9), «социальная волна». Она возникла на основе школы «дескриптивного переводоведения», созданной Гидеоном Тури (Toury, 1980, 1995), опиравшимся на исследования Джеймса С. Холмса (Holmes, 1972/2000, 1975), и началась с критики, которой подверг Тури французский социолог-переводовед Даниэль Симеони (Simeoni, 1998). Школу «дескриптивного переводоведения» мы рассмотрим в главе 9, а сейчас лишь бегло коснемся того, как социологическое направление возникло на основе работ Тури, посвященных переводческим нормам.

Тури первым начал изучать эти нормы – ограничения, которые накладывает на переводческую практику профессиональное сообщество и которые начинающие переводчики усваивают как руководство на пути к профессионализму. Однако Симеони (Simeoni, 1998) указал на ущербность его понимания норм, отметив, что Тури, по-видимому, имеет слабое представление о том, как именно начинающие переводчики их усваивают. Взгляды Тури на процесс усвоения Симеони называет «бихевиористски-

ми», отмечая, что социологическая теория Тури базируется на работе социолога-бихевиориста Джея Джексона (см. также Simeoni, 2008, с. 334); отсюда можно сделать вывод, что, с точки зрения Тури, у переводчиков более-менее механически вырабатывается условный рефлекс на соблюдение переводческих норм, как у собак Павлова рефлекторно выделялась слюна при звуке звонка. Но чей звонок вынуждает переводчиков усваивать профессиональные нормы? Как это все устроено? Так ли механистично, как следует из бихевиористской модели?

Симеони (Simeoni, 1998, с. 13–14) повернулся в сторону социологии, сосредоточив внимание на том, как переводчики усваивают и применяют нормы:

Верно ли, что неуловимый переводческий дар можно сегодня рассматривать прежде всего как умение *приспосабливаться* к различным нормам, извлекая из них максимум при самых разнообразных обстоятельствах (Драйденовский образ слуги нескольких господ и его совет переводчикам придерживаться золотой середины стал бы тогда поистине символичным?)... С другой стороны, возрастающее разнообразие поручений (разные клиенты и контракты, многочисленные компьютерные навыки, перевод на второй, а то и на третий язык, иной раз даже включение в их компетенцию такой размытой области, как «информационные и консультационные услуги») могло навести переводчиков на мысль об относительности предъявляемых к ним требований и вызвать определенный когнитивный диссонанс в связи с их традиционно подчиненной ролью, одновременно повысив их интерес к переводоведению. Может стать, при соответствующих обстоятельствах, мифическую веру в чистое, безупречное служение будет все труднее и труднее поддерживать?

Получив от заказчика очередной текст, переводчик должен *решить*, что это за текст, для чего его, скорее всего, будут применять и соблюдение каких норм убедит клиента в том, что работа выполнена успешно. Требуется ли при выполнении этого заказа локализация, перевод английских мер в метрическую систему, изменение формата дат с месяц-число на число-месяц и т.д.? Или

¹ Упомянутое Симеони сравнение на самом деле принадлежит Полу Розенцвейгу, в то время как Джон Драйден писал о лавировании между двумя крайностями. (*Прим. авт. к русскому изданию.*)

это «обратный перевод», когда переводчик должен держаться как можно ближе к синтаксису оригинала, чтобы клиент мог судить, насколько правильно был сделан исходный перевод? Рассчитан ли этот перевод на массового читателя (с возможным упором на убедительность), так что выразительность текста важнее, чем точное соблюдение деталей? Не подпадает ли текст под действие сразу нескольких норм? И если да, то не вступают ли они в конфликт, что затруднит успешное выполнение задания?

Такой акцент на «активном участнике, переводчике как члене социокультурного сообщества, призванном взаимодействовать с этим сообществом и в его рамках (габитусе, по Бурдьё), и как активном участнике (меж-)культурных коммуникаций» (Merkle, 2008, с. 175) очевидно говорит об общности некоторых базовых положений социологического подхода и *теории скопоса*, или ориентированного на действия подхода к переводу. В обеих концепциях рассматривается в первую очередь *профессиональная деятельность переводчиков*. Главное отличие так называемого социологического направления от теории скопоса заключается в том, что в его основе лежит социологическая теория Пьера Бурдьё (Bourdieu, 1986, 1991), опирающаяся на «треугольник»: *поле, капитал и габитус*.

- *Поле* – это структурированная система мест в социуме (которые занимают индивидуумы и организации) и связующих их сил.
- *Капитал* может быть экономическим (деньги), культурным (образование, профессиональное положение), человеческим (знания, полезные личные качества), социальным (связи), физическим (инструменты и рабочее место), символическим (престиж, почет) и т.п. Используется индивидуумами и организациями, которые занимают определенные места в социуме, с тем чтобы удерживать и усиливать свою власть, статус, репутацию.
- *Габитус* – «диспозиции» или вошедшие в привычку склонности, определяющие поведение и предпочтения индивидуумов и организаций, занимающих места в социуме; они формируются коллективно, однако обеспечивают возможность постоянных изменений, некоторый простор для творчества и определенную свободу выбора.

Симеони (Simeoni, 1998) и другие пионеры социологической волны в переводоведении, такие как Жан-Марк Гуваник

(Gouanvic, 1999) и Тео Херманс (Hermans, 1999), находились под сильным влиянием Бурдьё. Симеони (Simeoni, 2008, с.335) предполагает, что в начале 1990-х под влияние Бурдьё попал и Тури, когда писал свое «Дескриптивное переводоведение и не только» (Toury, 1995). (См. также Wolf, 2006, Wolf and Fukari, 2007 и в особенности Wolf, 2011, с. 6–10, где выдвинутая Хольц-Мянттяри (Holz-Mänttär, 1984) модель, ориентированная на действие, рассматривается в свете работ Бурдьё.)

В первом десятилетии XXI века социологический подход нашел весьма увлекательное применение в области устных переводов. Предвосхищенные еще работами 1990-х, например, Ваденсьо (Wadensjö, 1992, 1995, 1998) и Роя (Roy, 1993, 2000), новые этнографические исследования *профессиональной деятельности устных переводчиков* заставили социологическую волну выплеснуться за пределы кабинетов и библиотек и проникнуть в больницы, залы суда и общественные места. Одним из самых продуктивных исследователей в этой области стала аргентинка Клаудиа В. Анджелли, преподаватель испанского из университета штата Калифорния в Сан-Диего (и на нее тоже повлияли идеи Пьера Бурдьё, см. например Angelelli, 2004a, с. 26–28; 2004b, с. 36–41). Ее книга «Устный медицинский перевод и межкультурные коммуникации» (Angelelli, 2004a) стала первым этнографическим исследованием работы устных переводчиков в больницах; в ее работе «Снова о роли устного переводчика: изучение работы судебных, медицинских и конференц-переводчиков в Канаде, Мексике и США» (Angelelli, 2004b) приведены количественные оценки того, как устные переводчики воспринимают свою роль. В книге «Тестирование и оценка в переводоведении: приглашение к диалогу между теоретиками и практиками» (Angelelli and Jacobson, 2009), которую она редактировала совместно с Холли Э. Якобсон, социологический подход применяется к области, где ранее царила лингвистическая парадигма, основанная на стабильных объективных стандартах эквивалентности, – а именно к оценке качества перевода. Отказавшись от парадигмы стабильности, авторы включенных в сборник статей изучают попытки различных организаций подвергать своих переводчиков жестким оценочным процедурам.

В определенном смысле к социологическому направлению следует отнести и работы австралийского переводоведа Энтони

Пима, возглавляющего кафедру социалингвистики в Университете имени Ровира-и-Вирджили в Таррагоне (Испания). Получив сначала в Сорбонне научную степень по социологии, а затем став в Гарварде постдоком по экономике, Пим в конце 1980-х обратился к переводоведению, написав работы «Пересказ и дистанцирование в переводе» (Pym, 1987), «Экономическая модель переводческой эквивалентности» (Pym, 1990) и «Переводческая этика и признание наций, лишенных государственности» (Pym, 1991). Социоэкономический уклон его переводоведческих трудов, который демонстрируют вышеприведенные названия книг, в то время был необычен и в какой-то степени оставался таким в течение всего десятилетия. Теперь же эти работы все больше оказываются в русле основных исследований.

Ранние работы Пима содержали одну идею, которая оказалась особенно плодотворной: что переводчики не просто служат *посредниками* между культурами, но, скорее, принадлежат к «межкультурной среде» – введенный Пимом термин, ставший важным организующим началом в этой сфере. Проведенное им (Pym, 1992a) социологическое исследование (географического) перемещения текстов (и самих переводчиков) вновь всплывает в работе «Перемещение текстов: локализация, перевод и распространение» (Pym, 2004) и играет заметную роль в его истории (особенно в Pym, 2000) и метаистории (Pym, 1998) перевода. Две более поздние публикации «Социокультурные аспекты перевода» (2006) и «За пределами дескриптивного переводоведения: сборник трудов, посвященный Гидеону Тури» (2008), где он выступил редактором (в первом случае – совместно с Мириам Шлезингер и Жужаной Йеттмаровой, а во втором – с Мириам Шлезингер и Даниэлем Симеони), тоже содержат прекрасные примеры применения социологического подхода в переводоведении, включая процитированную выше работу Меркль (Merkle, 2008).

Собственная работа Пима (Pym, 2008) из второго сборника представляет собой замечательную иллюстрацию его методов. В ней он указывает на явное пересечение двух переводческих «законов» Тури (Toury, 1995) и четырех переводческих «универсалий» Бейкер (Baker, 1996); все четыре универсалии Бейкер (разъяснительность, упрощение, нормализация, выравнивание), полагает он, подпадают под первый закон Тури, «закон возрас-

тания стандартизации» – тенденцию сглаживания различий оригинала под влиянием норм и стандартов переводящего языка. Поскольку Бейкер, видимо, писала свою статью до выхода книги Тури, она не упоминает его законы и не в состоянии увидеть (как это сделал Пим двенадцать лет спустя), что ни одна из ее четырех универсалий не сочетается со вторым законом Тури, «законом интерференции», тенденции «переноса структурных особенностей исходного текста в текст перевода» (Toury, 1995, с. 275). Подход Пима к этому вопросу знаменателен тем, что, начав с очевидного противоречия между двумя законами Тури (согласно одному закону, эффект перевода заключается в приближении к системе языка перевода, согласно второму – в приближении к системе языка оригинала), а также с рассмотрения конфликтов и противоречий между «универсалиями» Бейкер, и задавшись вопросом, как «законы» и «универсалии» допускают подобные вариации, Пим в итоге приходит к социологическому ответу, основанному на том, что переводчики, будучи людьми, реагируют – сложно, интерактивно, – опираясь на свое восприятие ситуации, в которой оказываются:

Если глобальные законы или универсалии существуют, трудно ожидать, что они действуют только на уровне языка (например, что в переводах встречается больше или меньше X, чем в непереводах). Не стоит ограничиваться и наличием простой корреляции между лингвистическими и социокультурными переменными, такими, как «престиж» или «положение» (например, в переводах может быть больше X при наличии такого-то социального условия Y). Нам представляется, что необходимым связующим звеном здесь служит анализ динамики риска и управления рисками: именно он позволяет сформулировать взаимосвязи, существенно обусловленные человеческим фактором (например, переводчики предпочитают пойти на риск X при наличии структуры вознаграждения Y). (Pym, 2008, с. 326)

Таким образом, Пим дистанцируется и от готовности Бейкер – как лингвиста – выделить лишённые контекста «универсалии», и от стремления Тури – как переводоведа, сосредоточенного на глобальных системах, – вывести системные «законы», основанные на корреляции между лингвистическими характеристиками и определенными социальными условиями, такими как уровень престижности переводов в принимающей культуре. Вместо этого

Пим начинает с (психосоциального) наблюдения о том, что люди пытаются минимизировать риск и максимизировать вознаграждение, и делает предположение, что тенденции, которые Бейкер называет универсалиями, а Тури – законами, на самом деле порождены человеческим фактором – реакцией *переводчиков* на принятую в обществе весьма специфическую «схему вознаграждения»: тенденцию увеличивать вознаграждение для переводчиков, которые делают текст более легким для понимания (в соответствии с законом Тури о возрастающей стандартизации и четырьмя универсалиями Бейкер), и снижать штрафные санкции тем переводчикам, текст которых труден для восприятия, если очевидно, что переводчик просто доносит до читателя то, что *содержится* в оригинале (в соответствии с законом Тури об интерференции).

Заклучение

Различные социологические волны в переводоведении последних десятилетий наводят на мысль, что «перевод как профессия» и «перевод как создание эквивалента оригинала на переводящем языке» не столь сильно различаются, как мы когда-то полагали. Рассмотрение перевода *в основном* как создания эквивалентного текста (и, таким образом, объекта для исследований лингвистов и литературных критиков) и только *в какой-то степени* как способа заработка (и, таким образом, темы для пособий по деловой практике) перестало быть плодотворным. Переводчики не просто специалисты по языку, участвующие в бизнесе, – они еще и члены общества, и их социальные связи и привязанности вне рабочей сферы оказывают огромное влияние на то, с чем и как они работают, как обустраивают свою профессиональную деятельность, и, конечно, на то, как они используют и понимают язык.

Поэтому все настоятельнее становится потребность научиться *интегрировать* между собой эти две стороны деятельности переводчика: лингвистическую и социальную, текстовую и профессиональную.

Но интеграция этим не ограничивается. В главе 9 мы рассмотрим влияние культуры на переводчика как на члена социума, который служит посредником между языками.

Темы для обсуждения

1. Какого рода стабильность и определенность теряется при переходе от текстоцентрических теорий к теориям перевода как вида социальной деятельности? Насколько важны эти опоры? Можно ли обойтись без них?

2. Необходимость изображать из себя профессионального переводчика у одних студентов вызывает неловкость, у других – чувство приятного предвкушения. А что чувствуете вы? Поможет ли вам справиться с этой задачей обсуждение собственных ощущений?

3. В какой мере вы участвуете в жизни сообщества переводчиков? Какую профессиональную помощь оказывают вам его члены? Какие возможности остаются не до конца реализованными? Как извлечь из них профессиональную пользу?

4. Попробуйте перечислить все социальные группы, в которые вы входите. Обсудите, как определяется, где заканчивается одно сообщество и начинается другое. Проследите, как меняется ваше поведение, манера речи и т.д. при переходе из одного сообщества в другое (студенты, коллеги, члены семьи, соседи, автомеханики, которые обслуживают вашу машину, и т.д.). Какие сообщества занимают в вашей жизни менее важное место? Почему?

5. Как известные вам теории перевода помогают переводчику? Насколько действенна такая помощь? Как можно извлечь из теории дополнительную пользу для переводчиков?

Упражнения

1. Прочтите отрывок из книги Катарины Райс и Ханса Й. Фермеера «Основы всеобщей теории перевода» (Reiß, 1984, с. 98–99) по-немецки или по-русски (перевод приведен с разрешения авторов):

Normen schreiben vor, daß und wie gehandelt wird. Sie lassen aber einen gewissen Spielraum für die Art der Handlung zu. Die Hauptsache ist, daß auf eine Situation so reagiert wird, daß die Reaktion als sinnvoll erklärt werden kann. (Wir lassen noch offen, daß die Erklärung vom Handelnden und vom Interaktionspartner je getrennt gefordert wird . . .) Es ist weniger wichtig, wie eine Norm erfüllt wird, als daß versucht wird, sie zu erfüllen. Relevant ist die Funktion der Handlung.

Eykman . . . zeigt auf, daß Bilder durch andere Bilder,

Formulierungen durch andere Formulierungen ersetzt werden können, ohne daß sich die Textfunktion ändert. Eykman spricht von „Abwandlung“ (gegenüber Variation). – Für Translation heißt das: (1) Abwandlung ist unter gegebenen Bedingungen legitim. (2) Die Bedingungen liegen im Kulturspezifischen, z. B. im gleichen Grad des Üblichen als Adäquatheitsbedingung.

Was man tut, ist sekundär im Hinblick auf den Zweck des Tuns und seine Erreichung.

Eine Handlung ist dann „geglückt“, wenn sie als situationsadäquat (sinnvoll) erklärt werden kann. Die Erklärung wird, wie angedeutet, zunächst vom Handelnden (Produzenten) selbst verlangt: Er muß angeben, welches seine „Intention“ war. Wie wurde bereits darauf hingewiesen, daß eine Handlung nicht unbedingt einer Intention (optimal) entspricht. (Man schlägt sich auf den Finger, ehe man den Nagel dann doch trifft.) – Andererseits versucht auch der Interaktionspartner des Handelnden (der Rezipient) eine Erklärung („Interpretation“) für das Verhalten des Produzenten. Die „Erklärung“ des Rezipienten kann von der des Produzenten abweichen. Beide versuchen, die gegenseitigen Erklärungen vorwegnehmend einzuschätzen und in ihrem Handeln zu berücksichtigen („reflexive Ko-Orientierung“). (Zur Überindividualität von Interpretationen vgl. Schnelle . . .) – „Glücken“ ist also eine Feststellung, die von Produzent und Rezipient getrennt getroffen wird und für beide (und evtl. dritte) getrennt gilt.

Правила указывают, что необходимо выполнить действие и как его выполнить, однако оставляют определенную свободу в выборе *тупа* действия. Важно лишь так реагировать на ситуацию, чтобы реакция могла быть разумно интерпретирована. (Оставим пока в стороне вопрос о том, можно ли требовать такой разумной интерпретации от каждого из участников действия – исполнителя и реципиента – в отдельности...) Не так важно, *в точности ли* соблюдается правило – важнее то, что его пытаются соблюсти. Главное – функция, выполняемая действием.

Как показал... Эйкман, одни образы и выражения можно заменить другими с сохранением функции текста. Эйкман называет это не «изменением», а «адаптацией» (Abwandlung). Применительно к переводу это означает, что, во-первых, при определенных условиях текст можно адаптировать, и, во-вторых, эти условия зависят от конкретной культурной среды; например, если мы хотим сохранить адекватность оригиналу, может понадобиться заменить реалии, привычные в одной среде, реалиями, характерными для другой.

Не так важно само действие, как то, чего хотел достичь совершавший его и удалось ли ему это.

Таким образом, действие является «успешным», если оно воспринимается как адекватное ситуации (осмысленное). Как уже говорилось, в первую очередь адекватность должен обеспечить сам действующий – он должен объяснить, чего хочет добиться. Как мы только что видели, результат действия не всегда совпадает с намерениями действовавшего (перед тем как попасть молотком по гвоздю, иной раз стукнешь себя по пальцу). С другой стороны, второй участник действия (реципиент) имеет свою трактовку (объяснение) действий первого, и его мнение на этот счет может сильно расходиться с тем, что имел в виду исполнитель. Оба пытаются отгадать, как другой объясняет это действие, и учесть в своих последующих действиях (взаимное приспособление). (Сверхсубъективность этих трактовок подробнее описана у Шнелле...) Следовательно, успешность действия оценивается обоими участниками (а, в конечном счете, и внешним наблюдателем) независимо и по-разному.

а) Возьмите расхожее выражение с переносным смыслом – на английском или другом языке, с которого вы переводите, – и попробуйте подобрать несколько вариантов его перевода, включая буквальный, перефразированный и т.д. Например, английское выражение *It ain't over till the fat lady sings* (буквально – «пока толстушка поет, конец не наступил») можно дословно перевести на испанский *No se hasta que came la gorda*, или же *No se acaba hasta que se acaba* («пока не настал конец, не все кончено»), или *Siempre hay esperanza* («всегда есть надежда») и т.д. Подберите как можно больше различных вариантов перевода – как минимум, три–четыре.

(Другой пример англо-испанского соответствия: название романа Лауры Эскивель, *Como agua para chocolate*, которое перевели на английский как *Like Water for Chocolate*¹). Таких примеров можно подобрать множество – *once in a blue moon*, *have egg all over your face*, *at sixes and sevens*, *shape up or ship out*, *read someone the riot act* и т.д. Главное – выбрав выражение, подобрать реальные ситуации, в которых подошел бы тот или иной перевод.)

Теперь разбейтесь на пары и постарайтесь организовать «социальное взаимодействие» – в понимании Райс и Фермеера – между реципиентом и исполнителем. Обсудите уместность конкрет-

---

¹ Русский перевод романа называется «Шоколад на крутом кипятке». (Прим. пер.)

ного перевода выражения в конкретной ситуации, рассмотрите доводы «за» и «против». Сначала подробно опишите саму ситуацию: например, рекламное агентство сотрудничает с фрилансером в рамках рекламной кампании музыкальных дисков в четырнадцати странах; или заведующий отделом в крупном издательстве, публикующем воспоминания оперной примадонны, работает с переводчиком-музыковедом; или штатная переводчица и ее начальник обсуждают, как перевести эту фразу, шутиливо использованную в техническом документе; или читатель воспоминаний примадонны, не согласный с выбранным переводом названия, посылает письмо в издательство или статью в газету в форме воображаемого диалога с переводчиком, сотрудником издательства или автором книги.

Обсудите, каким должен быть «хороший» перевод с точки зрения вашего «персонажа». Если удалось достичь согласия, потратьте еще несколько минут, чтобы разобраться, насколько вас удовлетворяет достигнутый компромисс.

- b) Теперь попытайтесь представить себе общую процедуру для оценки «удачности» перевода. Существует ли она? Если да, то приходится ли делать поправку на радикальный социальный релятивизм модели Райс и Фермеера? Какую? Что в результате этого приобретается, а что теряется? Попробуйте изобразить эту процедуру наглядно с помощью диаграммы или еще как-либо.
4. Изучите диаграмму *Basissituation für translatorisches Handeln* (общий сценарий работы переводчика) (рис. 5) из книги «Работа переводчика» Юсты Хольц-Мянттяри (Holz-Mänttär, 1984), а также ее перевод и расширенные комментарии (Д. Робинсона).
- a) Разбейтесь на группы, и пусть каждая разработает какой-нибудь правдоподобный сценарий для диаграммы Хольц-Мянттяри. Определите инициатора перевода (того, кто в нем нуждается), распорядителя, автора текста, переводчика, пользователя и реципиента перевода, придумав каждому имя и профессию. Опишите ситуацию, указав «кто», «где» и «когда». Начните с нуждающегося в переводе (инициатора) в левой части диаграммы, затем перейдите к автору исходного текста или к распорядителю (или, возможно, к обоим сразу); затем – к переводчику и, наконец, к связке пользователь/реципиент текста. Какого рода потребность в переводе испытывает его инициатор? Существует ли оригинальный текст на момент начала процесса, или же инициатор перевода обращается к автору, чтобы тот его написал? Кто является распорядителем и какую роль он играет в процессе? Как

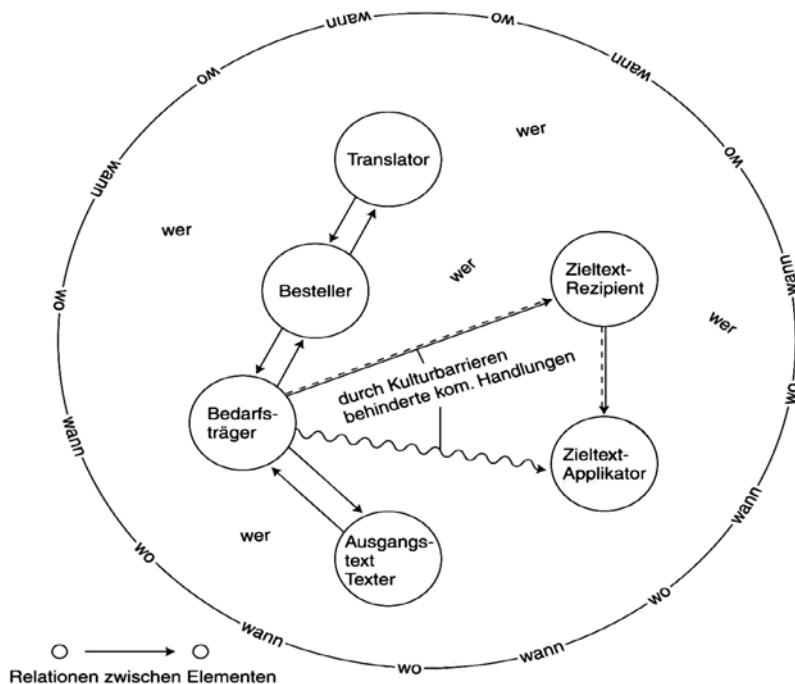

Рис. 5. Общий сценарий работы переводчика

Источник: Holz-Mänttäri, 1984, с. 106 (воспроизводится с разрешения автора)
Bedarfsträger (нуждающийся [в переводе] – человек, нуждающийся в переводе текста и инициирующий процесс, результатом которого является перевод; его также называют «инициатором перевода»)

Besteller (распорядитель – человек, который обращается к переводчику с просьбой создать текст нужной функциональности для использования в определенной ситуации)

Ausgangstext-Texter (автор исходного текста – человек, который пишет или произносит исходный текст)

Translator (переводчик – немецкие теоретики используют латинское слово *translator* для общего обозначения письменных и устных переводчиков, которых обычно называют *der Übersetzer* и *der Dolmetscher* соответственно)

Zieltext-Applikator (пользователь перевода – человек, который применяет переведенный текст на практике, работает с ним в реальном социальном контексте – например, публикует, использует для рекламы, отправляет в качестве делового письма, дает по нему задание студентам и т.п.)

Zieltext-Rezipient (реципиент перевода – человек, которому адресовано сообщение, изложенное в виде текста)

durch Kulturbarrieren behinderte kom. Handlungen: социальные действия, которым препятствуют культурные барьеры

wann: когда

wo: где

wer: кто

Relationen zwischen Elementen: связи между объектами

он находит переводчика? Как планируется применить перевод на практике? Кто реципиент(ы) перевода и как пользователь доносит его до реципиента(ов)? Описывайте все как можно более подробно. Изложите историю в виде газетной статьи или короткого рассказа, написанного от лица всезнающего рассказчика.

b) Теперь переделайте диаграмму в соответствии со следующими сценариями:

- Инициатор перевода является одновременно переводчиком и реципиентом: он читает роман, натывается на непонятную фразу на иностранном языке и переводит ее для себя, чтобы уловить сюжет. (Есть ли тут распорядитель? А пользователь?)
- Сэмюэл Бекетт пишет пьесу *En attendant Godot* по-французски, а потом сам переводит ее на английский как *Waiting for Godot* («В ожидании Годо»). (Зачем? Для кого? Был ли перевод заказан? Выступает ли издатель, агент Бекетта, продюсер, режиссер или кто-либо еще пользователем перевода?)
- Немецкий турист получает посылку на почте в бразильском городе Салвадор. Сотрудник почты просит заплатить пошлину. Турист не говорит по-португальски, а сотрудник почты – по-немецки. Человек, стоящий в очереди за туристом, предлагает свою помощь в качестве переводчика, и дело успешно завершается.
- Автор текста – болгарский профессор физики. Ее пригласили выступить на международной конференции на английском языке. Она пишет доклад на болгарском, а затем получает грант от декана своего факультета, чтобы оплатить работу носителя английского языка (которого находит, позвонив на кафедру английского языка своего университета) по переводу этого текста. Она отправляет переведенный доклад организаторам, которые предлагают внести в него некоторые изменения, прежде чем включать в труды конференции; она отдает эти предложения на проверку своему переводчику, а затем отправляет обратно. Она платит ему и за то, чтобы он помог ей с произношением некоторых слов – с тем, чтобы участники конференции понимали ее, когда она будет читать свой доклад.

c) Теперь переделайте диаграмму с учетом роли консультанта (которой нет в диаграмме Хольц-Мянттяри):

- Переводчик просит заказчика предоставить ему готовые переводы подобных текстов, чтобы познакомиться с терминологией. Кроме того, он звонит заказчику и просит, чтобы ему дали возможность поговорить с техническими писателями, инженерами, специалистами, сотрудниками отдела маркетинга и т.п. (Можно ли считать этих консультантов распорядителями? авторами текста?)

- Переводчица посылает в Lantra-L или Rosetta-L сообщение, в котором просит помочь перевести специфические слова или выражения. Она обращается к друзьям, которые принадлежат к передающей или принимающей культуре. А ее муж, носитель языка перевода, редактирует текст, чтобы он легко читался.
  - Переводится разговор малообеспеченной жительницы Техаса мексиканского происхождения, которую обвиняют в жестоком обращении с ребенком, и англоязычного сотрудника социальной службы, которого округ направил расследовать дело. Переводчик часто прерывает собеседников, чтобы уточнить у них то или иное неясное слово или фразу, так что каждый из них поочередно играет роль автора текста, его реципиента и консультанта.
- d) И, наконец, расскажите любую из историй, изложенных в пунктах (а–с), от первого лица, последовательно изобразив минимум двух героев. Переделайте диаграмму так, чтобы она соответствовала новой точке зрения.

Рекомендуемая литература

1. *Теория скопоса*: Holz-Mänttari (1984), Nord (1991), Reiß (1976), Reiß and Vermeer (1984), Vermeer (1989)
2. *Дескриптивное переводоведение*: Even-Zohar (1981/1990), Hermans (1999), Holmes (1972/2000, 1975), Munday (2001), Schäffner (1999), Toury (1980, 1995)
3. *Социологический подход*: Bourdieu (1986, 1991), Gouanvic (1999), Merkle (2008), Pym (1987, 1990, 1991, 1992a, 1992b, 1993, 1998, 2000, 2004), Pym *et al.* (2003, 2006, 2008), Simeoni (1998), Wolf (2006, 2011), Wolf and Fukari (2007)
4. *Этнографические исследования*: Angelelli (2004a, 2004b), Angelelli and Jacobson (2009), Roy (1993, 2000), Wadensjö (1992, 1995, 1998)